

**Елена
Михалкова**

Елена Михалкова

Водофорот
мужских
желаний

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Дизайн серии — *Екатерина Фerez*
Дизайн обложки — *Ксения Щербакова*
Фото автора на обложке — *Александр Горчаков*

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Водоворот чужих желаний / Елена Михалкова. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Елена Михалкова: Читай не отрываясь).

ISBN 978-5-17-100065-3

Макар пятнадцать лет разыскивал убийцу любимой. И вот он близок к разгадке. Удастся ли ему раскрыть тайну и отпустить боль в прошлое?

Деревенский парень Николай стал жертвой розыгрыша юных девиц. Так и появилась волшебная деревянная фигурка русалки, исполняющая желания. Но не придется ли расплачиваться за свои мечты?

Катя из любви и чувства вины готова, несмотря ни на что, отправиться в неприветливую столицу, только чтобы спасти мужа от кредиторов. Но всегда ли можно доверять любимому человеку?

Не зря говорится — бойся своих желаний, ведь порой мы не задумываемся о том, что наши стремления могут закрутить в водоворот чужих желаний!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100065-3

© Михалкова Е.И., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Он смотрел на экран телевизора, в котором репортер профессионально озабоченным голосом вещал о постройке нового развлекательного центра, но не слышал ни одного слова. Перед глазами стоял последний кадр предыдущего сюжета: пожилая женщина в оранжевой куртке держит в пальцах растопыренный кленовый лист, чуть растерянно глядя в камеру.

«Этого не может быть». Того, что он только что увидел, не могло быть.

Он выключил телевизор и мысленно прокрутил сюжет назад, вспоминая вопросы, которые задавал журналист женщине с кленовым листом.

«— В вашем дворе много кленов, правда?»

— Да... Много... А сейчас сильный листопад. Посмотрите...»

Камера идет вверх, показывая зрителям деревья, с которых облетают красные и желтые листья.

Но женщины под кленами не могло быть.

Потому что она мертва.

Давно.

Пятнадцать лет.

ГЛАВА 1

— **Я** ее видел, — повторил Макар третий раз, игнорируя предложенную Сергеем чашку с кофе.

Бабкин коротко кивнул, подумав про себя, что не помнит Илюшина в таком возбужденном состоянии за все время, что они работали вместе.

— Кофе пей, — посоветовал он. — Остынет.

Сергей Бабкин и Макар Илюшин были частными детективами. Бабкин, в прошлом оперативник, несколько лет назад вынужден был уйти с работы, и тогда Макар пригласил его к себе помощником. Теперь они называли себя напарниками, хотя формально Илюшин по-прежнему оставался главным.

Худой, светловолосый Макар был похож на студента. Веселого и в меру наплевательски относящегося к учебе студента-очкарика, который на минуту снял очки и теперь смотрит на собеседника веселым и довольным взглядом человека, бесцельно сбежавшего с лекции. Здоровяк Сергей — высокий, крепкий, с глубоко посаженными темными глазами и коротким ежиком волос — когда-то имел у коллег прозвище Медведь. Не столько из-за внешнего сходства, сколько из-за молниеносной реакции, неожиданной в таком большом и кажущемся неуклюжим человеке.

Водоворот чужих желаний

Их не совсем обычный тандем оказался очень удачным, несмотря на то что Макар был типичным «одиночкой» и в жизни, и в работе. Один из недоброжелателей Сергея поговаривал, что Илюшин с Бабкиным работают по принципу «ум — сила», но в действительности сильной стороной первого была интуиция, а второго — добросовестность, компенсировавшая отсутствие озарений. Сергей в глубине души признавал главенство Макара, поскольку знал: Илюшин обладает тем, чего нет и никогда не будет у него самого. Добросовестности можно научиться — интуиции научиться нельзя.

Иногда Макар казался Бабкину отстраненным наблюдателем, про себя подсмеивающимся над всем, но в первую очередь — над самим собой, Макаром Илюшиным, тридцати шести лет от роду, которому окружающие редко давали больше двадцати пяти. Он никогда не рассказывал о своем прошлом, а Сергей не спрашивал. Насколько он знал, у приятеля не было родных. Макар тщательно оберегал свое личное пространство, не пуская туда никого.

«Должно было случиться что-то серьезное, если он так выбит из колеи».

— Их искали четыре дня, — неожиданно сказал Илюшин. — Мы боялись, что не найдем, потому что — сам понимаешь, девяносто третий год, люди исчезали бесследно...

Бабкин ничего не понимал, но молчал.

— Алису нашли, а ту, вторую, — нет. Но был свидетель...

Алиса Аркадьевна Мельникова и Зинаида Яковлевна Белова в теплый майский день тысяча девятьсот девяносто третьего года вышли вместе из института, в котором одна училась, а вторая работала гардеробщицей, и направились к остановке троллейбуса. Их видели другие студенты, но никто не удивился, что Алиса

Елена Михайлова

идет с Зинаидой Яковлевной — гардеробщица была доброй теткой и, возможно, собиралась осчастливить Алиску очередным огромным букетом пионов, привезенным ею с участка. Макар Илюшин в это время разговаривал с преподавателем по уголовному праву, выясняя крайне занимательный вопрос, и не знал, что сегодня последний раз он видел свою девушку живой.

Четыре дня, пока искали пропавших, Макар провел словно в чужом теле. Тело ело, говорило, шевелило руками и ногами, но оно было не его. И голос, которым он расспрашивал свидетелей, был не его. И проклятая интуиция, развитая у него с детства, была не его, потому что она говорила, что его кудрявой, веселой, обожаемой Алисы, вытащившей Макара на свет из темноты, в которой он существовал три года, больше нет. Он знал это, но, стоя над ее телом в морге, все равно не смог сдержаться и закричал. А потом заплакал.

Следствия не было. Официально оно велось, но никто ничего не мог сказать ни Илюшину, ни родителям Алисы, кроме того, где именно было обнаружено тело девушки. Один из юго-западных районов Москвы...

Макар уволился из фирмы, где он работал и одновременно проходил практику, и стал искать, кто убил Алису Мельникову и где может быть Зинаида Белова. Во дворе дома, где девушку ударили ножом, он нашел свидетеля.

— Мужик-инвалид, — сказал Макар Сергею, ошеломленно слушавшему рассказ друга. — До меня опрашивали всех, кто жил в том доме, но никто не признался, что видел убийц, хотя не могли не видеть: все произошло днем, около четырех часов. Он, наверное, пожалел меня, потому и решил рассказать.

Из подъезда вышли два человека, рассказал старичок-инвалид, и быстро направились к машине — у них в руках были большие спортивные сумки. Девуш-

Водоворот чужих желаний

ка и женщина завернули из-за угла дома и чуть не столкнулись с ними. Двор будто вымер, потому что незадолго до этого все слышали крики о помощи, доносившиеся из окна третьего этажа и захлебнувшиеся спустя полминуты. Один из преступников, задержавшись на несколько секунд, деловито ткнул девушку ножом, и она, даже не вскрикнув, осела на асфальт, зажимая рану.

— Перед гардеробщицей тот человек остановился, что-то сделал, и она тоже начала падать. Но ее подхватили и сунули в машину. Больше ее никто не видел. Тело Алисы идентифицировали спустя четыре дня.

— Почему так долго? — спросил Бабкин, чтобы сказать хоть что-то.

— Она лежала в морге другого района, документов при ней не было. А тело Зинаиды Яковлевны так и не нашли. Я думал, что его выбросили где-нибудь за городом или закопали. Думал так до сегодняшнего дня.

— Где ты ее увидел?

— Небольшой утренний сюжет в новостях о работе дворников, ничего особенного. Ей задали несколько вопросов, она ответила. Это Белова, можешь мне поверить. Она очень хорошо выглядит, почти не изменилась.

Бабкин кивнул. Он и не сомневался. Макар обладает прекрасной памятью, и если он говорит, что узнал человека, значит, так оно и есть.

— Я был совершенно уверен, что она — такая же случайная жертва, как и Алиса, — медленно проговорил Илюшин. — Но если это не так...

— Ты узнал, кто их убил?

— Да. Узнал.

Банду налетчиков взяли три месяца спустя. Двоих убили при перестрелке, третий пытался сбежать, но врезался в бетонное ограждение и скончался, когда его везли в машине «Скорой помощи».

Елена Михайлова

— Я был уверен, что все они мертвы. — Макар посмотрел на Бабкина первый раз за все время своего рассказа. — Теперь я знаю, что это не так. Может быть, я ошибся в чем-то еще? Если они оставили одного свидетеля в живых, убив второго, может, это был вовсе не свидетель?

— Надо встретиться с корреспондентом, выяснить, по каким адресам брали интервью, — сказал Сергей, вставая и выливая остывший кофе Илюшина в раковину.

Он хотел добавить что-нибудь, что хоть немного успокоило бы Макара, но не смог. Он никогда не умел подбирать правильные утешительные слова в трудных ситуациях.

— Я тебе еще кофе сварю, — буркнул Сергей. — А ты пока позвони на тот телеканал, по которому шли новости.

.....

Лампочка в подъезде погасла неожиданно и бесшумно, словно на нее набросили черную тряпку. Катя встала, как вкопанная, затаив дыхание. Глаза не успели привыкнуть к темноте, и, компенсируя временную слепоту, с удвоенной силой заработали обоняние и слух. В нос ударили машинный запах лифта и кислая вонь мусоропровода в закутке возле первой квартиры. Одновременно она услышала визгливые голоса в соседней квартире, приглушенный плач ребенка... И скрип двери, открывшейся за ее спиной. Резко потянуло сквозняком, и Катя обернулась, прищурившись.

Кто-то тяжелый, шумно дышащий неторопливо вошел в подъезд и, не остановившись ни на секунду, направился к лифту. Либо он был здесь своим, либо ви-

Водоворот чужих желаний

дел в темноте — в отличие от Кати, которая без света ощущала себя слепым котенком. Вошедший поднялся по ступенькам, остановился в пяти шагах от девушки и отчетливо хмыкнул.

«Маньяк, — с тоскливым страхом подумала Катя. — Господи, закричать, что ли? Так ведь не выйдет никто...»

— Здравствуйте, — сказала она в темноту. — Вы не могли бы вызвать лифт?

— А-а-а, — проскрипели в ответ, — сама-то не видишь, да? Я-то уж привыкла, что как ни войдешь — все темнотища. Ох, поганцы, сколько раз говорено — вставьте нормальную лампочку...

Женщина безошибочно стукнула по невидимой кнопке, и где-то наверху вздрогнул и поехал лифт. Когда двери открылись, выпуская свет, Катя увидела полную одышливую соседку с пятого этажа — пожилую, неопрятную.

— Заходи, заходи, — недовольно сказала та. — Чего стоишь-то?

Катя зашла, затащила сумки. И почувствовала странное облегчение, когда двери закрылись, отсекая от нее первый этаж, которого она почему-то боялась с тех пор, как переехала в этот проклятый дом.

Дверь в квартиру открыла недовольная полусонная Седа, от которой пахло сладковатыми дешевыми духами.

— Не стой, заходи, — сказала она, не делая ни малейшей попытки помочь Кате с сумками. — Чего так поздно-то? Артур уже спать лег.

Катя хотела было ответить, что на нее свалилось много заказов, и заметить, что воспитанные люди сначала здороваются, а потом уже задают вопросы, и еще попросить Седу перестать, наконец, душиться этой невыносимой мерзостью... Но промолчала, потому что сестра мужа уже шла по коридору, виляя бедрами в спортивных штанах.

Елена Михайлова

— Катерина пришла? — донесся с кухни сочный голос Дианы Арутюновны, и Катя подумала, что та опять курила в форточку, хотя она много раз просила свекровь не делать этого. — Что-то припозднилась сегодня...

В ответ раздался смешок Седы и тихое бормотание женщин. Катя стащила сапоги, бросила взгляд на на-текшую с них грязную лужу и опустилась на табуретку, борясь с желанием закрыть глаза и уснуть прямо здесь, в прихожей.

— Добрый вечер, Катенька! — Свекровь выплыла в коридор, солнечно улыбаясь. — Артурчик уже спит, что-то устал он сегодня.

— Добрый вечер.

— Ой, грязи-то сколько! — свекровь заметила расплывающуюся на полу возле Катиних сапог лужу. — Сейчас тряпку принесу. Дом, Катенька, должен быть чистым, меня этому еще бабушка учила! Самое важное в доме — чистота!

Катя покорно кивнула. Она никогда не видела бабушку своей свекрови, но от всей души ненавидела эту почтенную особу. Судя по рассказам Дианы Арутюновны, при жизни старушка только и делала, что поучала внучку по любому поводу. Разнообразием в поучениях бабушка не отличалась, а потому к концу первого года знакомства с Артуром Катя знала, что самое важное в доме — это чистота, сытный ужин и довольный муж, опрятные вещи, вымытые окна... Стоило свекрови заметить что-то, нарушавшее ее представление о прекрасном, как тут же всплывал призрак ее бабушки с наставлениями о том, что самое важное в доме — это... «Нужное подставить», — говорила в таких случаях Катя. Про себя, естественно.

— Вот тебе тряпочка, Катенька, — промурлыкала свекровь, и к табуретке спланировала половая тряпка. — Не буду мешать.

Водоворот чужих желаний

И удалилась, шурша шелковым подолом.

Час спустя в квартире спали все, кроме Кати. Диана Арутюновна с дочерью храпели так, что было слышно из-за закрытой двери. Артур негромко посапывал в спальне. Катя зашла к мужу в комнату, включила ночник, постояла, глядя на его безмятежное лицо. Спит. Как там сказала Диана Арутюновна? «Устал сегодня». Разумеется. Ничего не делал и очень устал.

— Устал, значит, — повторила Катя шепотом, сдерживая желание рывкнуть на всю квартиру и разбудить Артура.

Нет, рывкать нельзя. Один раз соседи уже пригрозили, что вызовут милицию — это случилось после скандала свекрови с Седой. Тогда угроза подействовала на обеих женщин как ушат холодной воды, да и Артур высказал им все, что думает, не стесняясь в выражениях. Нельзя им привлекать к себе внимание, никак нельзя! Появится милиция — и пиши пропало, придется искать съемную квартиру, а где ее найдешь с их-то средствами...

«Так что, милая, никакого рывканья. Радуйся, что есть время посидеть в тишине».

Катя прошла на кухню, уселась на облезлый подоконник. Из пяти фонарей во дворе горел лишь один, и снежинки мелькали в желтом круге. «Завтра опять будет слякотно. Ноги в тонких сапогах уже сейчас мерзнут, а ведь еще только конец ноября. Что же мы будем делать зимой?»

Этим вопросом Катя задавалась уже третью неделю, и он стал постоянным рефреном. «Что же мы будем делать зимой?» — спрашивала она у себя по любому поводу, хотя, откровенно говоря, местоимение «мы» было в этом вопросе неуместным. Сейчас, сидя на холодном подоконнике в кухне чужой квартиры и прислушиваясь к похрапыванию трех людей в соседних комнатах, она окончательно поняла, что вопрос должен

Елена Михайлова

звучать иначе: «Что Я буду делать зимой?» Потому что рассчитывать на то, что Артур, его мать и сестра станут помогать ей, не приходилось. Тем более они и так считали, что помогают достаточно — например, Диана Арутюновна готовила ужины, а Седа — обеды. В общем, вносили свой вклад в их совместное выживание.

Катя подышала на стекло и нарисовала на запотевшем круге рожицу. Точка, точка, запятая. Вышла рожица смешная. Смешная, но невеселая, потому что улыбалась рожица как-то криво, одним уголком рта. Девушка вспомнила, как полгода назад перед свадьбой рисовала такую же рожицу на окне в комнате общежития, ожидая Артура. Она любила рисовать на стекле. Вот тогда рожица улыбалась до ушей. Даже мама, озабоченная предстоящей суматохой, зайдя в комнату, заметила:

— Улыбается, прямо как ты. Счастья полные штаны.

И когда Катя обернулась к ней и впрямь с точно такой же улыбкой во весь рот, мама не выдержала и чмокнула дочь в макушку, хотя была против этой свадьбы.

Если с Артуром Ирину Степановну, приехавшую на свадьбу из маленького городка под Ростовом, худо-бедно мирили его внимание и забота о невесте, то мать будущего зятя и его сестру она невлюбила с первого взгляда. Катя, как могла, убеждала ее, что Диана Арутюновна очень хорошая женщина, сына просто обожает. И Седа тоже хорошая, просто немножко избалованная. «У тебя все хорошие! — сердилась мать. — Глупая ты, Катька, не понимаешь: чужие они нам, чужие! Ладно. Деваться-то некуда».

Эх, могла ли мама представить тогда, что ее дочери придется уехать из Ростова-на-Дону в Москву. И вот уже два месяца повторять «что же мы будем делать зимой». Что-что... Выживать, известное дело.

«Хватит паниковать, — приказала себе Катя, слезая с подоконника. — И ныть. Ничего страшного не происходит. Плохо, конечно, что приходится маме

Водоворот чужих желаний

врать, но это для того, чтобы она не беспокоилась. Вот пройдет год, вернемся обратно в Ростов, и тогда...»

Что будет «тогда», Катя не могла представить. Смутно ей виделось что-то хорошее, и, стараясь верить в это, она умылась и легла спать, поставив будильник на шесть утра. Артур негромко посапывал, и лицо его было совершенно безмятежным.

Несколько месяцев назад.

Катя познакомилась с будущим мужем на общей институтской тусовке, на которой оказались и несколько «пришлых парней» — взрослых, уже закончивших институт. Он был высоким, темноглазым и темноволосым, улыбочивым, и ему очень подходило имя Артур. Такую же темноволосую, как он, смешливую Катю парень сразу выделил из остальных девчонок, дружно отплясывавших под незамысловатые попсовые напевы.

Ухаживал он очень красиво, приносил охапки пышных бордовых роз, а в ответ на Катину смущенное сопротивление только смеялся. «Катюша, я же Ашотян! Мы, армяне, по-другому не умеем!» Надписи мелом на асфальте под окнами общежития «Котенок! Ты — единственная!», чтение стихов под луной, ужины при свечах в кафе... «Катюша, я же романтик! Мы, армяне, все немного романтики!»

Очень быстро и неожиданно для Кати последовало знакомство с его родителями — точнее, с мамой, поскольку отец Артура погиб два года назад в автомобильной катастрофе. Диана Арутюновна очаровала Катю. Это была смуглая пышная женщина с гладкой персиковой кожей и нежнейшим пушком на щеках. Слушая ее рассказы, Катя вспоминала: «А как речь-то